

Кения: президентская кампания стала импульсом роста сепаратистских настроений

1 сентября 2017 г. Верховный суд Кении объявил недействительными результаты августовских выборов. В оппозиционных кругах кенийского общества это было расценено как фактическое признание победы Раилы Одингги, главного оппонента действующего президента Ухуру Кениаты. Однако надежды на то, что намеченный на 28 октября второй тур голосования лишь наглядно подтвердит эту победу, развеялись вскоре после того, когда потерпели неудачу попытки лидера оппозиции добиться устранения выявленных нарушений в избирательном процессе для проведения «честных и справедливых выборов».

В результате Р. Одингга призвал своих сторонников бойкотировать повторное президентское голосование, объявив о преобразовании возглавляемой им партии – Национального сверх-альянса (National Super Alliance, NASA) – в движение сопротивления, и общественно-политическая обстановка в стране в очередной раз обострилась. Толпы демонстрантов с лозунгами «нет реформ, нет выборов» вышли на улицы, рискуя попасть под пули полицейских, жестко пресекавших протестные акции, не прекращавшиеся в течение всего предвыборного периода.

При этом складывавшаяся ситуация, приобретающая все более отчетливые признаки политического кризиса, отличалась от послевыборных событий конца 2007 – начала 2008 гг., начало которым также положили протестные акции, усмирявшиеся с позиции силы. Однако тогда эти акции вылились (не без содействия подстрекателей) в масштабные межэтнические столкновения, эпицентром которых стали районы Западной и Центральной Кении, потрясшие мировую общественность своей жестокостью.

На этот раз фактически не отмечалось ни случаев применения насилия, ни возникновения каких-либо угрожающих жизни конфликтов между представителями различных этносов. Демонстранты выступали в первую

очередь против сложившейся общественной иерархии, верхние позиции в которой на протяжении всего независимого периода Кении постоянно занимают выходцы из двух этносов – кикуйю и календжин, и принадлежность к ним изначально является бонусом в продвижении по социальной лестнице. У. Кениата принадлежит к этносу кикуйю, тогда как Р. Одингга – к луо.

В протестном движении 2017 г. этнический фактор проявился также в нарастании подспудно тлевших в независимой Кении сепаратистских настроений, достигнувших небывалых ранее масштабов. В основном они охватили густонаселенные западные и прибрежные ареалы страны, где сосредоточена значительная часть поддерживающего Р. Одинггу населения, протестующего против навязанного ему положения «этнических аутсайдеров» в условиях «засилия кикуйю-календжин», проживающих преимущественно в наиболее развитых в экономическом отношении районах Центральной Кении.

В прошедшем 28 октября втором выборном туре приняли участие около 38% зарегистрированных избирателей против почти 80%, отмечавшихся в августе. Заметное снижение этого показателя произошло из-за бойкота выборов оппозиционно настроенным электоратом, к которому фактически примкнули не пожелавшие участвовать в голосовании, исход которого заранее предрешен.

И действительно, У. Кениата по существу на безальтернативной основе получил свыше 98% голосов, основную часть которых обеспечили избиратели Центральной Кении. Столь долгожданный успех, однако, оставил У. Кениату с неудовлетворенными личными и социальными амбициями. Ведь немаловажной подоплекой его стремления во что бы то ни стало остаться на посту президента на второй срок было, ко всему прочему, его настойчивое желание одержать, в конце концов, «сокрушительную победу» над его личным врагом Р. Одинггой. Между тем его главный оппонент в выборах не участвовал, в то время как оглашенные избиркомом результаты завершившейся президентской гонки вызвали новый всплеск общественного недовольства и новые сомнения в легитимности выборов.

На этом фоне 28 ноября состоялась инаугурация У. Кениаты, причем обязанности принимающего почетных гостей, прибывающих на церемонию, была возложена на Гидеона Мои, и этот факт не ускользнул от внимания журналистов. Ведь его отец, Даниэль арап Мои, который возглавил Кению после кончины в 1978 г. первого президента страны Джомо Кениаты и занимал этот пост почти 25 лет, и по сей день, несмотря на свои 90 с лишним лет, остается одной из влиятельнейших фигур кенийской политики, являясь при этом конфидентом У. Кениаты. В свое время Мои в немалой степени поспособствовал укреплению дуополии кикуйю-календжин в ключевых сферах общественной жизни Кении, достигшей своего апогея после прихода к власти тандема У. Кениата – В. Руто.

Появление на авансцене во время столь важного для Кении события Г. Мои, сенатора от графства Баринго в Центральной Кении, стало поводом для спекуляций о его шансах на победу в соперничестве с нынешним вице-президентом В. Руто за высший государственный пост на предстоящих в 2022 г. очередных президентских выборах. Однако У. Кениата вполне может и смешать все карты: хотя конституция Кении ограничивает пребывание на посту главы государства двумя сроками, не исключено, что ныне действующий президент попытается их продлить, заручившись парламентским одобрением нужного ему законодательства.

Но пока перед У. Кениатой стоят другие задачи, требующие безотлагательного решения. Так, государственный долг в Кении в 2017 г. достиг рекордной величины, и начались задержки в выполнении международных финансовых обязательств. Остро ощущается нехватка средств для финансирования начатых масштабных амбициозных инфраструктурных проектов – транспортного коридора от порта Ламу в направлении Южного Судана и Эфиопии, и инновационного комплекса в г. Конза, угрожающих превратиться в долгострой. Экспорт в африканские страны, которые являются главным рынком сбыта для кенийских промышленных товаров, неуклонно сокращается и так далее.

Существуют и социальные, и ряд других не менее важных проблем. Однако наиболее актуальная из них на сегодняшний день заключается в сохранении единства страны в условиях, когда среди существенной части ее населения сепаратистские настроения выходят в мейнстрим, а лидер оппозиции не отказывается от своего намерения провести «альтернативную инаугурацию», чтобы стать «народным президентом Кении».

Пойдет ли У. Кениата на переговоры с оппозицией, чтобы решить эту проблему, или будет добиваться поддержания имиджа стабильности с помощью имеющегося в его распоряжении административного ресурса и репрессивного аппарата, или найдет какие-либо другие пути – покажет время.

Н.Ф. Матвеева,
н.с. Центра изучения проблем переходной экономики
Института Африки РАН